

Мо Линъюнь сузил зрачки, внезапно испытал невероятную благодарность к Нин Цину за то, что тот только что вмешался на уровне духовного сознания и не позволил ему увидеть казнь. Тем не менее его вытошнило, хотя в желудке ничего не было — просто в горле будто застрял какой-то ком, вызывавший жуткое отвращение.

Нин Цин похлопал Мо Линъюня по спине, потянул за воротник, заставляя поднять голову, и быстро влил ему в рот пилюлю Очищения.

Проглотив лекарство, Мо Линъюнь совсем обмяк. Тут он заметил, как ученики Союза Десяти Тысяч Путей спускаются на мечях, забирая внутренние ядра обоих демонов для отчета.

Его снова смутило подступившее к горлу тошнотворное чувство, но вырвать так и не получилось. Нин Цин, стоявший рядом, выглядел до крайности спокойно и спросил:

— Продолжим смотреть?

— ...Смотреть, — прикусил губу Мо Линъюнь. По сравнению с другими присутствующими культиваторами его состояние выглядело слишком жалким, к тому же в груди кипела запертая обида, и он не знал, как дать ей выход.

Однако Мо Линъюнь очень скоро пожалел об этом. На что он собрался смотреть? Что он собирается увидеть? Как ученики крупных сект во главе с Цинь Уцзянем с равнодушным видом удаляются, а остальные мелкие силы и бродячие культиваторы врываются в логово тигра-демона, чтобы растащить сокровища, которые тот копил годами?

Несколько засохших целебных трав, сберегаемых как величайшая драгоценность в самом глубинном углу пещеры, теперь бездумно делили между собой другие заклинатели.

Мо Линъюнь вдруг вспомнил, как после того, как он спас ту птицу-демона, маленькая ёкая робко и с легким смущением сказала ему: Ёкая спустилась с гор, чтобы подкопить денег на лекарства для мужа...

Пилюля Очищения не смогла подавить бушующий в груди Мо Линъюня гнев. Он внезапно вытащил меч и рывкнул на бродячих культиваторов в глубине пещеры:

— Положите всё на место! Убирайтесь! Живо вон отсюда!

Никто не испугался какого-то полубезумного адепта стадии Заковки Дыхания, но все боялись стоявшего рядом с ним красавца-культиватора, который выглядел мягким и нежным, но в чьей ладони уже собирался сгусток духовной энергии.

Они не могли разглядеть уровень его развития, а это означало, что этот человек превосходил их по силе.

Сокровищ в глубокой пещере было немного, да к тому же угрожала грубая сила. Те бродячие культиваторы, что посмекали соображать быстрее, поспешно бросили награбленное и в панике бросились к выходу, а те, кто собирался возразить, от неожиданного порыва ветра были просто отброшены прочь.

Мо Линъюнь, казалось, лишился всех сил. Он присел на грязь и замер неподвижно. Лишь спустя долгое время он тихонько позвал:

— Шишу.

Нин Цин не стал говорить лишнего. Он помог Мо Линъюню собрать все целебные травы в пещере — Мо Линъюню были нужны только травы.

Мо Линъюнь завернул травы в ткань и прижал к груди, так что со стороны могло показаться, будто он собрался открывать лавку целебных снадобий.

Они долго шли без определенной цели, пока Мо Линъюнь снова не заговорил:

— Шишу, я хочу кое-что взять вон там.

Где — вон там? Разумеется, на месте казни Великого демона с Восточной горы.

Теперь толпы почти рассеялись, остались лишь несколько учеников Союза Десяти Тысяч Путей, охранявшие тела: кровь и плоть тысячелетнего демона представляли большую ценность для изготовления лекарств и пилюлей.

— Я хочу взять немного их шкур, — издалека глядя на пепелище, сухо произнес Мо Линъюнь.

Нин Цин хранил полное безразличие. Не успел он и рта открыть, как кто-то опустился перед ним на мече.

Это был Цинь Уцзянь.

Широко и солнечно улыбаясь, Цинь Уцзянь без малейшего намека на упрек указал на Нин Цин и произнес:

— Младший братишка Чжэлань, а на тебя-то мне тут жалобу принесли.

— Старший братишка Уцзянь, — ответил легкой улыбкой Нин Цин.

— Ага, — кивнул Цинь Уцзянь, а затем заметил стоявшего рядом с ним Мо Линъюня. — О, и

племянничек здесь? Так это ты любишь всякие такие вещи? Ну тогда ладно, раз племяннику нравится, то и проблем нет!

Цинь Уцзянь всегда прекрасно относился к соратникам по секте. Сам он не испытывал интереса к подобным вещам, но раз уж его племяннику любо — значит, всё в порядке.

— Шишу Уцзянь, — тоже позвал Мо Линъюнь.

— На месте, — Цинь Уцзянь, отличавшийся неизменно беспечным нравом, протянул руку и похлопал Мо Линъюня по спине, приговаривая, что на досуге обязательно проверит, не запустил ли тот свое владение мечом.

Высказав всё в одиночку, Цинь Уцзянь замолчал, и тогда Мо Линъюнь произнес:

— Шишу Уцзянь, я хочу взять немного шкур тех двух демонов.

— Без проблем!

Мо Линъюнь отыскал укромное, поросшее зеленью и напоенное влагой место, где возвел общую могилу для тигра-демона и птицы-демона. Шкуры стали саваном, а целебные травы были погребены вместе с ними.

Он думал о том, что они, должно быть, очень сильно любили друг друга. Союз птицы и зверя сам по себе шокировал весь мир, к тому же этот тигр-демон ради птицы перешел на растительную пищу. Пусть и неизвестно, правда ли это, но возможность уйти на Желтые Источники вместе, пожалуй, была для них благом.

Засыпав могилу землей, Мо Линъюнь, словно лишившись всех сил, плюхнулся на землю.

— Шишу, они ведь никому не причинили вреда, почему эти люди убили их? — он уставился на наспех обтесанное надгробие — на воткнутой в грязь доске не было вырезано ни единого слова.

— Они преградили этим людям путь к чужим сокровищам.

Эмоции Нин Цива были настолько блеклыми, что в нем проступали черты сходства с Цзин Джуном.

Мо Линъюнь невольно подумал: окажись на его месте наставник, как бы он отреагировал?

Может, насмехнулся бы над его излишним сочувствием?..

Мо Линъюнь потер переносицу, не позволяя себе развивать эту мысль дальше, и ответил:

— Но они же не заслуживали смерти.

— Если оставлять угрозу позади, бедствий не миновать.

Нин Цин говорил правду, и это действительно отражало подлинные мысли культиваторов. Раз уж они пришли забрать сокровища охранных зверей, битвы было не избежать; если бы они не уничтожили их, а позволили сбежать, это породило бы бесконечные беды.

— Но ведь они такие же живые существа, а их вот так растоптали... Шишу, разве вам не больно на это смотреть?

Слова, застрявшие в горле, наконец вырвались наружу. Мо Линъюнь знал, что не должен говорить такое Нин Цину, который только что протянул ему руку помощи, но ему некому было излить душу, а молчать было невыносимо.

— Привыкнешь — и сердце очерствеет.

Нин Цин то ли улыбнулся, то ли нет. Он запахнул верхние одежды, бросил взгляд на небо и бесстрастно произнес:

— Пора возвращаться.

Внезапно хлынул ливневый дождь, смывая все краски этого мира и превращая их в серо-белые тона. Такой сильный дождь редко доводилось увидеть даже в Южных Землях — оставалось лишь гадать, гневается ли Небесный Путь или же это спешная попытка замести следы преступления.

Нин Цин молча сидел в углу комнаты, запахнув одежды, его взгляд бесцельно блуждал, не задерживаясь ни на чем. Тонкие длинные пальцы невольно сжались, отчего и без того бледная кожа на суставах стала еще блее, а мягкие губы слегка приоткрылись и тоже казались бесцветными.

— Сходи свари пиалу имбирного чая, — распорядился Цзин Джун, обращаясь к Мо Линъюню. Он знал, что у Нин Цин снова обострился старый недуг, и уже было протянул руку, но замер: он сейчас всего лишь бумажная кукла, откуда у него тепло?

Температура тела у Нин Цин была чуть ниже обычной, а в сезон холодных дождей ему приходилось особенно тяжело. Он принадлежал к тем людям, которые выглядели хрупкими, но обладали упрямым характером: даже испытывая запредельную боль, он не издал бы ни звука.

Цзин Джун понимал, что уговорить Нин Цин вернуться в секту не удастся. Они долго сидели друг напротив друга в тишине, пока Мо Линъюнь не вошел с дымящимся имбирным чаем.

На поверхности чая поднимались легкие струйки пара, сладость заглушала терпкость имбиря, а разливавшееся по губам и зубам тепло и впрямь немного унимало боль.

— Местонахождение Травы Юэтань определено?

— Определено, — раз уж Цзин Джун спросил, Нин Цин ответил прямо. — Старший братишка хочет пойти взглянуть?

— Нет.

На Восточной горе хватало культиваторов, способных его узнать, а Цзин Джун не хотел наживать себе лишних хлопот.

Потрясенный гибелью двух демонов, Мо Линъюнь сидел в стороне, погруженный в оцепенение, и не вмешивался в разговор.

Ему казалось, что Нин Цин немного изменился. Со времен церемонии принятия в ученики Мо Линъюнь не мог точно назвать эти перемены словами — в конце концов, в большинстве случаев Нин Цин оставался всё тем же мягким в манерах и безупречным во всех делах шишу.

Мо Линъюнь услышал, как Нин Цин отклонил предложение Цзин Джуна вернуться в секту. Они вдвоем покинули комнату Цзин Джуна, но когда на повороте их пути разошлись, Мо Линъюнь не удержался и спросил:

— Шишу, почему вы отказались идти с наставником?

— Мне нужно кое-кого найти.

— Кого-то найти?

— Янь Хуая.

А тот, чье имя только что произнесли тысячи раз, под проливным ночным дождем шел по арочному мосту под зонтом, рассчитывая время, чтобы забрать то, что ему было нужно.

Янь Хуай знал о месте произрастания Травы Юэтань гораздо раньше, чем культиваторы выпытали это у тигра-демона. Он просто ждал у подножия Восточной горы, пока Трава Юэтань созреет, чтобы забрать свою долю.

Он не собирался договариваться с людьми из Союза Десяти Тысяч Путей о том, чтобы внести плату и забрать лекарство, но теперь, когда им стало известно место произрастания травы, они непременно выставят там стражу, и заполучить Траву Юэтань станет не так-то просто.

Янь Хуай был Призрачным Врачом, и в искусстве применения ядов с ним во всем мире мало кто мог сравниться.

Будучи Призрачным Врачом, он вовсе не нуждался в том, чтобы люди расхваливали его честность и благородство.

В ночь перед полным созревaniem Травы Юэтань кто-то усыпил стражников ядом и похитил добрую половину травы с поля. В Союзе Десяти Тысяч Путей пришли в ярость: они устроили тщательное расследование, но не смогли обнаружить и следа вора. Представьте себе их гнев — прямо у них под носом обворовали связующее звено всего праведного пути!

Людам с глазами было очевидно, что это дело рук Владыки Обители Иного Мира, однако не удавалось найти ни малейшей улики для предъявления обвинений. Лидер отряда, старейшина, места себе не находил от злости, а многочисленные силы, явившиеся по слухам на разведку, с улыбками, скрывавшими ножи за пазухой, заявляли, что они-то свою долю уже давно забронировали.

Старейшина Ян ломал голову над тем, чью именно долю урезать, чтобы покрыть нехватку.

Лидер отряда от Секты Сюаньтянь Цинь Уцзянь лично прибыл на место и, глядя на проплешину на лекарственном поле, бесстрастно произнес:

— Это дело меня не касается, но доля Секты Сюаньтянь не уменьшится ни на йоту.

Он заявил об этом прямо, не допуская никаких переговоров, сразу рубя с плеча.

Старейшина Ян, возглавлявший в этот раз Союз Десяти Тысяч Путей, чуть не поперхнулся, чувствуя себя в крайне незавидном положении. Он изначально рассчитывал сорвать легкий куш, но кто же знал, что объявится этот бесстрашный Призрачный Врач и прямо под носом у многочисленной охраны украдет Траву Юэтань! Теперь же, если он не уладит это дело должным образом, то рискует навлечь на себя гнев всех сил, участвовавших в сборе Травы Юэтань.

Особенно этот Цинь Уцзянь из Секты Сюаньтянь: он не только помешан на мече, но и отличается прямолинейным нравом, не умеет говорить мягко, и раз уж он что-то решил, спорить с ним бесполезно.

А взглянув на того, кто сопровождал Цинь Уцзяня — Нин Цина из Секты Сюаньтянь, — услышав это имя, обычный заклинатель наверняка воскликнул бы: как замечательно! Нин Цин

славится своим умением ладить с людьми, почему бы тебе не поговорить с ним?

Поговорить? О чем тут говорить? Когда дело касается интересов их собственной секты, Нин Цин так искусно уклоняется от ответов, что от его мягкости у собеседника не остается сил даже на злость.

Улыбка у него теплая, и говорит он мягко:

— Всё на усмотрение старшего брата.

Но если вдуматься в смысл — какая к черту мягкость! Это же явное одобрение наглого и бесцеремонного поведения Цинь Уцзяня!

К тому же, зачем сюда привалили двое мастеров Золотого Ядра? Если он откажется, неужели их тут же подавят силой?

Старейшина Ян массировал виски, и от одной мысли об этом у него начинала трещать голова, так что он лишь злобно бормотал:

— Давно следовало уничтожить этого Призрачного Врача, только и делают, что проблемы создают.

Сопровождавшие его ученики Союза Десяти Тысяч Путей опустили головы, делая вид, что ничего не слышат. Тысячелетнее истребление демонов уже сильно подорвало жизненные силы праведного пути, и хотя сейчас на нем то и дело появлялись новые таланты, если завязать новую распря с культиваторами демонов, еще неизвестно, кому это принесет пользу.

<http://bllate.org/book/20174/2009563>